
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

(Рубрику ведет зав. отделом критики Ирина Кедрова)

Сергей Норильский
(г. Тула)

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО СОГЛАСИЯ

Как тульский литературовед трактует некоторые стороны учения Толстого

Сергей Норильский (Сергей Львович Щеглов) автор четырнадцати документально-художественных, историко-краеведческих, литературно-критических, литературоведческих и публицистических книг и брошюр. Среди них: «Город Норильск» (1958), «Николай Федоровский» (1967), «Сергей Степанов» (1974), «Владимир Лазарев» (1986), «Не вечно зло, если добро множить» (1998), «Извечный поединок света и тьмы в прозе и драматургии Игоря Минутко» (2006), «Павел и Клавдия» (2008) и другие. Дважды удостоен журналистской премии имени Глеба Успенского, лауреат литературной премии имени Льва Толстого (2000). Составитель и автор текстов трех томов книги памяти жертв политических репрессий в Тульской области. Основатель и председатель Тульского областного отделения Общероссийской общественной организации «Российское историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»». Член Союза журналистов России, член Союза российских писателей.

В 1991 году в Туле было издано «Евангелие для детей» Л. Н. Толстого. В числе других толстоведов к изданию был привлечен исследователь творчества художника и мыслителя Борис Сушков. Он стал составителем сборника, в который вошли и некоторые произведения Льва Николаевича на христианские темы. Сушков подробно прокомментировал их и написал вступительную статью. Особо остановился на расхождении Толстого с церковью.

За прошедшие с тех пор годы произошли коренные изменения в жизни России и всего мира. Расширил круг своих исследовательских интересов и искусствовед, философ и публицист Сушков. И вот в конце 2008 года вышла его обширная книга «Альтернативы Толстого. Альтернативный Толстой».

Замысловатый заголовок автор разъяснял в предисловии: «Толстому в конце жизни мнилось, что он возглавляет весь духовно-интеллектуальный процесс на пла-

нете, оппозиционный господствующему направлению светской цивилизации (...) И он предлагал свои *альтернативы* для решения главных вопросов (...) Мой Толстой — *альтернативный* узко-«академическому» и позитивистски апологетическому Толстому». Сушков предложил диалог Толстого с XXI веком.

Убедительность главных выводов книги подтверждается проникновением в глубину науки о Толстом, собственным многолетним опытом изучения художественного и мировоззренческого материала яснополянского мыслителя, аспектов его личности и биографии.

Считаю необходимым заметить: Толстому не *мнилось*, будто он возглавляет духовно-интеллектуальный процесс на планете. Он действительно возглавлял его. Назовите кого-нибудь еще, кто занимал такое же место. Не только своим бесценным опытом самоисследования важен для нас этот художник и философ, а своими принципами, своей проповедью. И не только для русской духовной культуры, а для всего человечества, тем более в век глобализации. Толстой, как всякое великое явление, возникнув в национальной почве, стал интернациональным.

Сушков обстоятельно развивает мысль: для Толстого «религия стала «необходимостью разума». Естественно, он обратился к традиционной форме бессмертия — к богу. В поисках его определения он дошел до первопричины всего и назвал это богом. Потом всю жизнь уточнял, что такое бог, и в этом уточнении все более и более удалялся от веры и спекулятивной философии и приближался к науке».

Сушков заключает: «Толстовская религиозно-философская концепция человека, его жизни и бессмертия (...) нуждается в корректировке с точки зрения современных научных знаний о человеке, материи и космосе».

Седьмую главу книги Борис Сушков начинает с обстоятельного анализа «Записок сумасшедшего» Л. Н. Толстого. Глава называется: «Арзамасский страх или в поисках утраченного бессмертия». Запись Льва Николаевича о том, как в гостинице города Арзамаса была у него мучительная ночь страха смерти, разбирается Сушковым в свете мечты о бессмертии (отсюда использование — перефразировка — заглавия знаменитого романа Пруста).

Сушков приводит читателя к выводу: страх смерти физической сопряжен у высоких индивидуумов ее страхом смерти духовной. Толстовская идея деградации жизни без ее моральной силы, уверяет Сушков, нашла подтверждение в естественных науках. Опасность угасания цивилизации, ее гибели все очевиднее приходит в зависимость от попрания нравственных норм поведения людей, в особенности в условиях технического прогресса. Миллиарды жителей планеты зависят от единиц правителей, диктующих свою волю. По извечной традиции правители эти — военные, их психология зациклена на необходимости войн. Совладать с этой психологией до сих пор не удается; прорва войны и подготовки к ней поглощает большую часть того, что люди производят своим трудом и творческим гением. Несомненно, это следствие дикости.

В связи с этим наш автор напоминает, что «некоторые философы отказались от определения нынешнего человека как «хомо сапиенс», считая его преждевременным, заменив его более скромным определением: «человек технический». Технические навыки, которые приобрел человек в процессе физического труда, мы спутали с разумной деятельностью»

Интересны рассуждения Бориса Сушкова о душе и духе, о человеке душевном и человеке духовном. «Дух — безличен и бессмертен, и ему не нужно личного бога и своего личного корпускулярного бессмертного тела, чтобы вечно пребывать с богом где-то там, «на небеси» (...). Истинное бессмертие Христа — в воскресении его через свое слово-учение в душах апостолов и истинных последователей, а не в телесном воскресении после смерти (...). «Слово» и есть бессмертное «тело» человеческого «духа».

Продолжая эту тему в разделе «Ломать привычные стереотипы мышления» той же главы, Сушков приходит к вопросу о «вечном разуме», якобы создавшем все бесконечное многообразие жизни во Вселенной. Полемизируя с В. Солоухиным, он иронически констатирует: «В этом в высшей степени примечательном рассуждении поражает прежде всего странная логика: писатель хоть и признает высший разум существующим, однако тут же высказывает сомнение в его ... разуме».

Распространенная ныне теория Высшего Разума по сути — та же божественная идея Создателя, которая в основе всех родившихся в древности религий, Отсюда и утвердившийся в них ответ на вопрос о том, почему творец бросил созданных им людей на произвол судьбы: он якобы дал им свободу выбора. На том и замыкается безысходный круг. Все поиски Высшего существа, Высшей силы, то есть Бога, ведут в один и тот же тупик.

Убежденной материалист Сушков в итоге своих изысканий о бессмертии приходит к единственно верному выводу: «Мы живем в мире непримиримых пока политических и религиозных идеологий, ставших государственными системами, направленными друг против друга и препятствующими развитию во всем мире общечеловеческой нравственной философии — религии разума».

Свыше столетия назад Толстой пришел к необходимости отвергнуть все побочное и заняться нравственным совершенствованием личности. Восьмая глава книги Сушкова посвящена анализу драматургии Льва Николаевича и, в частности, его комедии «Плоды просвещения». Великий художник и мыслитель убедился, что исправлять общество надо, начиная с себя и своей семьи. Так возникла первая постановка «Плодов просвещения» в яснополянском доме, осуществленная его обитателями. Явление уникальное. Врачевание искусством Толстой пробует на своих близких.

С высоким мастерством литературного критика Сушков исследует эту и дальнейшие постановки комедии Толстого и других его пьес, приводя к общему знаменателю их идею. Становление личности при помощи искусства автор убедительно доказывает на примере творчества современных нам прозаиков и драматургов России — Шукшина, Вампилова, и таких актеров, как Смоктуновский, Олег Ефремов, Высоцкий.

В главе «Возвращение на круги своя» Сушков с таким же блеском и глубиной преподносит читателю исторический опыт общения зрителей-театралов с яснополянским гением, преподанный на сцене Малого театра такими мастерами, как писатель Ион Друцэ, режиссер Борис Равенских, актер Игорь Ильинский.

Вместе с тем критик высказывает и несогласие с трактовкой некоторых сторон работы Малого театра. Верно, на мой взгляд, замечание Сушкова, что притча о волке, внешне эффектно положенная Ионом Друцэ в основу сюжета повести и пьесы, не соответствует содержанию образа главного героя произведения. «Уход Толстого из Ясной Поляны подготавливался всей его жизнью, всей логикой его духовного развития, — пишет Сушков. — И он уходил не навстречу смерти, как уходит старый волк в притче, а навстречу новой жизни, навстречу людскому морю, чтобы уже ничто не отделяло его от него» (...). Не похожа и их гибель. С биологическим завершением жизни волк исчезает бесследно (...). У Толстого биологическое завершение жизни не стало ее концом — она перешла в бессмертие (...), в нечто более драгоценное, живое, осязаемое и развивающееся — духовное бессмертие.

В завершающей главе «Куда ж нам плыть? (Духовное эсперанто или пушкинский синтез?)» автор книги размышляет о «всемирной отзывчивости» великих русских поэтов, их всечеловечности, — вопреки квасным патриотам, скрывающим за патриотизмом свою духовную ограниченность и косность. Сопоставляя концепции западников и славянофилов, Сушков развенчивает нынешние потуги некоторых кругов возродить «Великую Россию» на базе сильной власти, безудержной военной мощи и православия. «Не реанимировать старое, а творчески переосмыслить все элементы

русской национальной культуры с позиций нашего исторического опыта!» — призывает автор книги.

Девятой главе он предпослал немецкую пословицу: «Воспитывают народ не памятники его славы, а памятники его позора». С учетом исторического национального опыта нетрудно понять: немцы за последние два столетия убедились в правильности этого изречения. Хотя и не все. О чем свидетельствует неумирающий фашизм. Можно представить, какой гнев вызовет это парадоксальное умозаключение у тех, кто призывает сегодня помнить лишь славные страницы истории и поменьше думать и говорить о трагических.

Главу эту Сушков посвятил тому, по какой причине Толстой обозвал свой роман «Война и мир» «многословной дребеденью».

Искусствовед пишет: «Роман в школьных учебниках прочитан раз и навсегда в сугубо патриотическом духе (...) Рабская психология не изжита у нас и поныне. Наша борьба за новую демократическую Россию есть попытка окончательно порвать с рабским прошлым и обрести, наконец, человеческое достоинство».

В свете этого и пытается Борис Сушков прочесть роман Толстого, упрекая автора в том, будто он «вопреки очевидности» искажает истинный характер войны 1812 года и, в частности, поведение императора Александра и Кутузова. Вот эту концепцию создателя «Войны и мира» и полагает Сушков «многословной дребеденью», обозначенной им в письме Фету.

Конечно, у художника был свой замысел произведения, и он не всегда совпадал с исторической действительностью, тем паче с трактовкой ее историками. Постоянный главный герой Толстого — правда — понимался им отнюдь не в соответствии с теми или иными выводами предшественников и современников. Идея Толстого была глубже традиционных трактовок. Самокритичное же определение его свидетельствует об изменении с годами его взглядов на многие вопросы и связанной с этим оценки прежнего творчества. Что касается военной доктрины, положенной в основу романа, — простор для критиков тут полный. Борис Сушков даже сопоставляет эпопею 1812 года с Великой Отечественной войной 1941—45 годов и высказывает мысль, что «напрасно эту скифско-александрo-кутузовскую тактику и стратегию сбережения армии и народа не применили в войне с Гитлером и заставляли советских солдат (...) биться «не на жизнь, а на смерть». «Дубина народной войны — всего лишь патриотическая риторика Толстого. Дубасили этой дубиной уже не войско, а полутрупы, бредущие по разоренной дороге в лютый мороз назад в Европу. Толстому все это было хорошо известно из первоисточников, но он на все это закрывает глаза, ему для его философии истории нужен был другой русский народ, — не раб, а «богоносец» и другая война и победа. И он начинает выдумывать свои законы истории и народ, и его победу (...) Поэтому-то нужно было унижить и «развенчать» героическое (...) начало и в Наполеоне, и в Андрее Болконском, и в истории вообще. Роль героической личности в истории — мнимая, считает Толстой».

И Сушков становится на сторону тех историков, философов и поэтов, которые видели в Наполеоне великую историческую личность. Борис Филиппович привлекает в союзники Мережковского, Вл. Соловьева, Пушкина («Хвала! Он русскому народу высокий жребий указал и миру вечную свободу из мрака ссылки завещал». Это Наполеон-то!)

Очень сомнительно, чтобы автор «Войны и мира» согласился с таким прочтением его самокритики. Неоспоримая концепция Толстого — полное отрицание захватнической войны и ее организаторов как якобы великих личностей. В том и состоит высшая мудрость яснополянского мыслителя и художника, его новаторство как философа. Героическую личность Толстой признает только в соединении с идеей добра и любви, то есть с чисто христианских позиций.

Какое может быть героическое начало в генерале Бонапарте? Толстому он бесконечно чужд, враждебен. Нравственное превосходство русского народа перед армией завоевателя — нравственное возвышение жертв агрессии перед насильником. Дубина народной войны — не патриотическая риторика автора «Войны и мира», а историческая реальность, справедливая и оправданная морально.

Предпринятая Сушковым попытка понять и объяснить, почему Толстой в 1871 году в частном письме назвал «Войну и мир» «многословной дребеденью», — не что иное, как доказательство того, что всякое великое произведение литературы можно читать по-разному, что иногда делают даже сами их авторы. Из колоссального богатства содержания великих творений всегда можно выбрать что-то, достойное критики или полного отрицания. Это подтверждается самим же Сушковым. Буквально вслед за окончанием главы о «древедени» он пишет:

«Толстой — не художник, отображающий действительность, он ее демиург, «творец». Свою проблему перевоспитания, пересоздания себя по высшему идеалу он превратил в проблему литературы и философии, резко выразивших его взгляды на человека, жизнь и историю».

Этим высказыванием Сушков открывает предпоследнюю главу своей книги, посвященную еще одному феномену Толстого: «Почему он назвал «Анну Каренину» «мерзостью»».

Как и в случае с самооценкой «Войны и мира», речь идет о высказывании Толстого в частном письме (на сей раз — к В. Стасову). Сушков и здесь делает попытку объяснить самокритику автора романа в том же категорическом стиле, как и в предыдущем случае. «Мерзость» тут очевидна, — утверждает он, — и в романе об Анне Карениной Толстой оболгал в Анне женщину и ее любовь, выставив ее патологической любовницей (...) Писатель намеренно солгал против правды».

Столь решительное заключение Сушков пытается подкрепить высказыванием Овсяннико-Куликовского. Причем идет гораздо дальше этого ученого и в конце концов приходит к таким выводам:

«Юродствующий во Христе до патологии идиотизма Достоевский и Лев Толстой, призывающий игнорировать законы эволюции (...) Патологический К. Станиславский с его мнимой «жизнью человеческого духа».

Борис Филиппович милостиво заявляет: «Простим ему (Толстому! — С. Н) невольная грех». Снисходительно резюмирует: «когда он еще был настоящим художником и не собирався спасать мир».

О Льве Николаевиче следует отзываться более осторожно.

Положив в основу своей проповеди учение Христа, яснополянский мыслитель принял на себя и все стрелы критики и отрицания реальности Христовых заветов.

Сушков пишет о Толстом: «Он всячески расхваливает эти установления, особенно непротивление злу, считая его главной заповедью: он убежден, что исполнять их легко и приятно, не задумываясь (...), что жизнь человека превращается в сплошной подвиг и ад»

Подвиг и ад — понятия несовместимые. Игнорируя это, Борис Сушков приходит к тому, что «костью в горле» цивилизации был не столько Толстой, сколько сам основатель христианства. «Всех людей не заставишь быть мучениками-мазохистами (...), они почему-то не желают этого «блаженства». Более того, считают безумными софистами тех, кто — призывает их к такой жизни».

Борис Филиппович, это же искажение ситуации! Во-первых, никто никогда не заставлял и не заставляет людей быть мучениками, дело это абсолютно добровольное. Исключения, конечно, были — самосожжения староверов и т. п. (да и там рядовых людей на убой гнали их вожди). Но всегда, во все времена убежденные в чем-то люди шли на страдания и на смерть исключительно по зову сердца. Во-вторых, и самое

главное: как можно мучеников за идею (и прежде всего — христианскую!) обзывать мазохистами? Мазохизм — вид полового извращения, выражающийся в потребности испытывать боль, причиненную лицом противоположного пола (по имени австрийского литератора Захер-Мазоха (1836—1895), страдавшего этим пороком. Этот несчастный завоевал скандальную известность сочинением эротических романов, смакующих указанную патологию. Согласитесь: приравнивать мученичество за идею к половому пороку — значит оскорблять страдальцев за убеждения. Это — кощунство.

Дальше — больше. Вы, Борис Филиппович, становитесь на сторону главного врага Христа — иудейского первосвященника Каифы, требовавшего от Синедриона, а затем и от Пилата: «Лучше пожертвовать одним безумцем, чем дать ему погубить весь народ».

«Массовая гибель первохристиан, — пишете Вы, — (...) подтвердила его правоту. Поэтому каждый истинный последователь Христа объявлялся безумцем и, по сути, был таковым. Например, поздний Толстой».

И далее Вы ссылаетесь на высказывание Бердяева, сделанное в том же духе.

Первохристиане самоотверженно гибли ради своей идеи. Две тысячи лет спустя после их подвиг повторили новомученики и исповедники веры Христовой в годы гонений советской власти на религию в России и СССР. Для первохристиан эта кончилось тем, что один император римский отвел свой народ от язычества и сделал христианство государственной религией. Противники этого императора называли его безумцем, поскольку он дал волю учению, отрицавшему языческие критерии личности, в том числе воинскую доблесть, без которой дикари язычники полагали жизнь невозможной, без которой государство, по их мнению, существовать не может.

Что произошло вслед за великой реформой Константина? Ставши христианской, Римская империя трансформировала учение Христа сообразно прежним нормам, воинская доблесть осталась неприкосновенной. Властители гнали полчища христиан с крестом на знаменах покорять другие народы, истреблять человеческие жизни. Это и дает право некоторым «современным ученым» утверждать, будто «безумец из Назарета» и его последователи ничего не достигли, жизнь ни чуточки не изменилась к лучшему. Войны как были, так и остаются главным содержанием государственной политики, только по мере технического прогресса становятся все более разрушительными и приводят к гибели сотен миллионов людей.

А что случилось после самоотверженной борьбы советских новомучеников? (Их было больше, чем древних христиан). Империя, их мучившая, достигла большего могущества, чем все предыдущие державы. Но в мгновение ока рухнула, большинство ее достижений пошло насмарку. Русская православная церковь возвратилась на место, какое занимала тысячу лет.

В обоих исторических случаях все повернулось на круги свои. Но значит ли это, что подвиг первых христиан и советских новомучеников был напрасен? Отнюдь нет! Хотя конечная цель и не была достигнута, но все-таки от прежней дикости люди в какой-то степени отошли.

Геннадий Красников
(г. Москва)

ЖИВЕТ «СВЕТАЩИМСЯ ФАВОРОМ»
(К выходу в свет антологии «Русская поэзия. XXI век»)

Геннадий Николаевич Красников родился 30 августа 1951 года на Южном Урале в городе Новотроицке Оренбургской области. Окончил факультет журналистики Московского университета в 1974 году. Работал корреспондентом районной газеты в городе Озеры Московской области, около 20 лет был главным редактором альманаха «Поэзия». С 2008 года работает в Литературном институте им. А. М. Горького, ведет поэтический семинар на заочном отделении. Лауреат литературных премий им. А. М. Горького, им. Бориса Полевого, премий газеты «Литературная Россия», журнала «Москва». Участник всемирного фестиваля искусств в городе Эдинбурге (1987 г.).

Смотром интеллектуальных, эстетических и художественных сил можно назвать издание антологии «Русская поэзия. XXI век», выходящей в конце ноября — в начале декабря этого года в московском издательстве «Вече», и являющейся прямым продолжением широко известной антологии «Русская поэзия. XX век», выдержавшей два издания и уже ставшей библиографической редкостью.

Наиболее полное поэтическое издание в XXI веке (объемом без малого в пятьсот страниц), эта антология лучших поэтических произведений, создававшихся от 2000-го года по сегодняшний день, — явление историческое и уникальное, поскольку включает в себя около четырехсот имен поэтов разных поколений и эстетических групп и школ не только со всей России (от Москвы до Иркутска, от Смоленска до Чукотки, от Оренбурга до Воронежа, от Пскова до Красноярска, от Сыктывкара до Нижнего Новгорода, от Санкт-Петербурга до Калининграда), но и со всего русскоязычного мира (от Канады до американского штата Айова, от Киева до Иерусалима, от Праги до Минска, от Лондона до Таллинна и Германии), ярко и замечательно подтверждающих, что время молчания и немоты русской поэзии закончилось!

Таким образом, читателям предлагается своего рода эвристический проект — взгляд в будущее, поиск разновекторности путей, прогноз, некий эскиз, проект этих будущих путей, некое задание на будущее. Неслучайно уже сейчас, еще до выхода книги, зная только по журнальным публикациям о ее концепции, о ней уже спорят, пишут в различных периодических изданиях, как в России, так и за рубежом.

Книгу предваряет вступительная статья аналитического характера. К каждому автору прилагается библиографическая справка, что придает книге, предназначенной как для самого широкого читателя, так и для изучения в вузах и в школе, историко-литературоведческий характер. Представлены также фотографии авторов.

Уникальны не только состав этого весьма солидного издания, но и ее структура и построение. Антология открывается своего рода «эпилогом вместо пролога» — «Так начинался век XX-й», отвечающим на вопрос, не рано ли составлять сборник стихов

нового века? Приведенные в разделе классические стихи И. Анненского, К. Случевского, К. Фофанова, В. Брюсова, К. Бальмонта, А. Блока, А. Белого, Н. Гумилева, Ив. Бунина, написанные в первое десятилетие XX века и вошедшие в золотой фонд русской литературы, дают исчерпывающий ответ на подобные сомнения.

Раздел «Я устал от XX века» включает в себя полные драматизма стихи ушедших перед самым концом прошлого столетия поэтов, выразивших в своих стихах определенное предчувствие смены эпох, времени, и даже успевших попрощаться своим творчеством с уходящим веком, предъявить ему как свой счет, так и чувство признательности. Раздел представлен именами значительных поэтов, среди которых — Вл. Соколов, Н. Старшинов, Ю. Друнина, А. Чиков, Б. Чичибабин, Н. Тряпкин, Т. Глушкова, А. Жигулин, Б. Примеров, В. Бурич, Евг. Блажеевский, А. Башлачев и другие. Собственно эпиграфом к этим последним годам двадцатого века могли бы стать строки Юрия Кузнецова:

*Искусства нет — одни новации.
Обезголосел быт отцов.
Молчите, Тряпкин и Рубцов,
поэты русской резервации.*

И совсем из другого поколения человек, прекрасный русский поэт Евгений Блажеевский, в трагических стихах предскажет и свою раннюю смерть, и покажет историю тех лет, какой она видится с высоты поэзии и вечности:

*Сжимается шагрень страны
И веет ужасом гражданки
На празднике у Сатаны,
И оспа русской перебранки
Картечью бьет по кирпичу,
И волки рыщут по Отчизне,
И хочется задуть свечу
Своей сентиментальной жизни...
(«Сжимается шагрень страны...»)*

Их уход тоже по-своему был предопределен, что видно по тем горьким предчувствиям, которые они оставили, как, например, в стихотворении нижегородца Юрия Адрианова с характерным названием «Эпилог XX века»:

*Бессмертны и честь, и отвага,
А Родина — выше всего!
Мы век начинали с «Варяга»,
Окончили «Курском» его...*

В основной состав входят стихи нового века и тысячелетия, созданные поэтами, среди которых имена от самых старейших, таких как В. Боков, К. Ваншенкин, В. Субботин, Н. Панченко, А. Межиров, М. Борисов, Е. Исаев, а также — Н. Матвеева, Г. Горбовский, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулина, И. Шкляревский, Ю. Мориц, А. Брагин, А. Кушнер и многие другие.

В книге представлены тульские поэты — это хорошо известные любителям поэзии В. Пахомов, В. Савостьянов....

Антологию завершают дебютанты, те, кому предстоит определять лицо нового поэтического поколения. Самой молодой участнице этого раздела — 18 лет, а неко-

торые стихи, представленные здесь, были написаны авторами в 15—16-летнем возрасте. Уже сегодня можно говорить о ярком и безусловном даровании многих из них, так легко и свободно существующих в современном литературном пространстве, будь то традиционное книжно-журнальное поле, или Интернет, где иные молодые поэты давно обжили безграничное место в лабиринтах мировой паутины, общаясь со своими читателями в реальном времени и получая мгновенный отклик от многочисленных поклонников и почитателей, как это, к примеру, происходит с творчеством замечательной Веры Полозковой или Вячеслава Памурзина. Без сомнения, любителям поэзии запомнятся имена самых ярких дебютантов этой антологии — В. Заблицкой, Р. Ненашева, А. Афанасьевой, А. Русс, А. Нитченко, О. Мяловой, А. Болдырева, А. Минаковой...

Собственно вся истинная поэзия, да и все мы сами — из «вековой тишины» и глубины России (о чем напомнила судьба Александра Башлачева). Можно сказать, что поэтическое русское слово и есть обратная сторона вековой тишины, и мера таланта, мера личности Поэта заключается в том, *что же зачерпнул* (смог зачерпнуть!) из этой тишины и глубины поэт, *что* расслышал в себе самом, в своем народе, какую правду, какие эмоции...

Многие поэты выжили, выжили их стихи, явившись в новом качестве, о котором так выразительно сказано у Александра Кувакина:

*Вставай, вставай, обугленное слово!
Я песню радости спою тебе.
Угрюмый жар пожара мирового.
Пылавшего в твоей судьбе, Погас.*

*И только ветер гонит пули
По русскому бродвею день за днем...*

*Но свет горит. И на осеннем поле
По золотому черное легло.
И в этой непреклонной, вечной воле
Всплеск легкого дыханья твоего.*

*И праздничное налетает чувство,
Что выздоравливаешь ты,
Что пенья русского веселое искусство
Сорвет печать сердечной немоты.*

*И как лесов осеннее цветенье
Рисунком нежным в воздухе сквозит,
Так близкий снег — не снег, а вдохновенье.
Когда с землю небо говорит.
(«Осенняя песня»)*

Антология стала своего рода переключкой живых и мертвых на поэтическом смотре после многолетнего перерыва. Отозвались, и оказалось, что живы, и пишут — часто лучше прежнего — в Смоленске Алексей Мишин, Юрий Пашков, Виктор Смирнов, о которых ничего не было слышно. Живы томич Борис Климычев, туляк Виктор Пахомов, в Тосне — Николай Рачков...

Открылось сильная поэзия Оренбуржья, где ярко о себе заявляет молодая смена. Заметны поэтические имена Нижнего Новгорода... Занимает достойное место поэзия

в Сыктывкаре возле поэтического генералиссимуса русского севера Надежды Мирошниченко. Богат поэтами северный вологодский и архангельский край... Много ярких имен на псковской земле, в Самаре, Волгограде, Томске, Красноярске...

Какая блестящая плеяда женщин работает сегодня в поэзии, среди которых классическая во всех отношениях Новелла Матвеева с ее жесткими, бескомпромиссными сатирическими и философскими стихами, за которые ей все чаще достается от либеральной критики. (Так Пушкина когда-то бранили за его открытую позицию в стихах «Клеветникам России»). И только П. Я. Чаадаев писал Пушкину: «Я только что прочел Ваши два стихотворения. Друг мой, никогда еще Вы не доставляли мне столько удовольствия. Вот, наконец, Вы и национальный поэт. Вы угадали, наконец, свое призвание»...) Всегда новая богатыми интонациями, свежим языком Ольга Фокина; Мария Авакумова, которую не зря так любил за ее чистый совестливый голос Юрий Кузнецов; мощная, неумная Надежда Мирошниченко; глубокая, неторопливая Светлана Кекова; или такое сильное явление в русской поэзии — Светлана Сырнева с ее горькими стихами, напоминающими суровый реализм картин Виктора Попкова... Или вот молодая русская Жанна Д'арк, со стихами, взрывными как коктейль Молотова, — Марина Струкова:

*То ли с Запада армады грядут,
То ли с Юга азиатчина крадется,
Обступают, осаждают, пройдут...
Все пройдет, одна Россия останется.
И Америка потопа хлебнет,
И Европа жгучим пеплом подавится,
А нам пламя мятежей, словно мед.
Все пройдет, одна Россия останется...*

(Как сбылось в Нью-Орлеане ее американское пророчество о «потопе»!..)

Иногда, правда, «глубина России», не услышанная и не понятая посреди столичной «словесной войны», с ненавязчивым русским тактом напоминает не столько о себе, сколько о первородстве истоков, о корнях, без которых не удержится никакая поэтическая правда. Именно об этом иронично-мудрое слово Ольги Фокиной:

*Оказалось, мы — глухая провинция,
Обреченная на гибель теперь,
Оказалось, не оставишь в столицах, мы
Для самих себя захлопнули дверь.*

*Ну да ладно... Не остались, так нечего
Об отвергнутом когда-то жалеть.
Человечки — мы.
А там — ЧЕЛОВЕЧЕСТВО!
Мы-то выстоим. Ему бы — суметь...*

И вот эти-то «человечки» прекрасно держат «центр культуры»! Вдали от столиц русская поэзия спасает для мира, для России, для «человечества» экологически и духовно чистую «вековую тишину». Как сказано у Николая Рачкова:

*Отзвенели, ушли в никуда
Смех и плач в деревенских хоромах,
Но какая теперь лебеда
И какие сугробы черемух!*

*Эта хлябь. Эта глушь. Пустыри.
Птичий звон. Комариные песни.
И такая тоска —
Хоть умри.
И такая любовь —
Хоть воскресни.*

Итог этому тихому вздыханию подводит стихотворение самарца Евгения Чепурных — одного из самых замечательных поэтов нашего времени.

*В могиле неизвестного поэта,
В которую мы ляжем без имен,
Мерцают рядом свечка и комета,
Сроднившиеся после похорон.*

*Мы не прошли в анналы и в журналы.
Живя в тени, мы не отвергли тень.
Мы ляжем здесь, одни провинциалы
Из русских городов и деревень.*

*Смеемся, плутаем вдоль путей-дорожек
И крошим хлеб печали и страстей.
Но как ни странно,
Этих малых крошек
Хватает на прокорм России всей.
(«В могиле неизвестного поэта...»)*

Это чувство, эта прозрачная и глубокая простота и почти небесная ясность, которой отмечена современная русская поэзия, почти не переводима на другие языки...

Готовящаяся к выходу антология со всей определенностью показывает, что русская поэзия на сегодняшний день — в достойных ее образцах — лучшая в мире. В ней предстает многоуровневый срез современной России — эстетический, этический, исторический, социальный, культурный, политический, духовный, лексический, семантический... Это связано с тем, что каждое из названных качеств уходит своими корнями в народную жизнь, в народное мировидение и мироведение, в народное миропонимание и мировоззрение... Современная наша поэзия живет (продолжает жить!) «светящимся фавором» (С. Есенин) русского слова, русской души, русской культуры. В основе своей — в чем ее коренное отличие (всегдашнее, а ныне — особенно!) — это народная поэзия, кровно, духовно связанная с жизнью своего народа. Она словно датчик на самых болевых точках национального тела: на его сердце, мыслях, на его душе... Она передает, фиксирует все болезни нашего народа, его потаенные мысли, чаяния, его — нескрываемое — отчаяние и терпение. И потому во многом это поэзия трагическая, передающая всю драму, переживаемую Отечеством.

Это своего рода РУССКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ поэзии, а уж какими дорогами оно пройдет, нам не дано предугадать, многое будет зависеть от личностей, от исторического места России в мире и от того, какую судьбу выберет себе народ. Как совершенно справедливо говорил гениальный К. Леонтьев, словно провидя духовным зрением современную нашу тягу угнаться за прогрессом и цивилизацией: «Чем знаменита, чем прекрасна нация? — Не одними железными дорогами и фабриками, не всемирно-удобными учреждениями. — Лучшее украшение нации — лица, богатые дарованиями и самобытностью. — Лица даровитые и самобытные не могут быть без

деятельности творчества; — когда есть лица, есть и произведения, есть деятельность всякого рода».

Во вступительной статье к антологии приводятся слова замечательного русского критика Валентина Курбатова. Говоря о нашем времени, он предупреждает современного писателя: «Зарабатывай хлеб, чем хочешь. Музу на панель не пускай. Она тоже умеет перенести голод и холод, когда видит силу и твердость Поэта. Уж что-то, а страдание русская муза знала во всех оттенках и во все дни истории...»

Варвара Заблицкая, поэтесса из Оренбурга (кстати, самая молодая), одна из самых перспективных и ярких в своем поколении. В ее ритмически раскованных, мрачно-жутких стихах уже сейчас слышатся будущие тектонические сдвиги нового столетия, гул которых она передает с репортажной точностью и скрупулезностью, хотя при этом она не берет на себя роль Сивиллы:

*...Я не люблю предсказывать, что будет с моей страной,
я не строю прогнозов, я скупа на скорбные фразы.
Но тот, кто еще в своем уме, рыдает вместе со мной,
наблюдая в бессилии злобном, как у нас отбирают разум...
(«Чтобы получше жить, мы ищем волшебные средства...»)*

Характерны названия ее стихов «Пророки пригорода», «Степная пыль»... Что-то есть в них от прошлых веков «Генералов песчаных карьеров», которых сегодняшнее время «разжаловало» почти до уровня библейской пыли:

*Мы — пророки пригорода, окраинные мессии,
мы едва успели родиться, но уже почти мертвецы.
Глядя прямо, но в никуда, собираем последние силы,
мы идем в Неизвестность смело, давя ногами ипприцы...
Нам не страшно запачкаться, но и грязью мы не измажем.
Нам не нужна Революция, не для нас Мировой Передел.
Мы хотим лишь свежего воздуха для легких, забитых сажеей,
и хоть каплю здоровой крови для своих зараженных тел.
Жаль, здоровье и чистый воздух — не для нашей чумной стаи:
обреченные умереть пусть умрут на своих местах!
Но мы идем в Неизвестность и за собой оставляем
сотни новых Мессий на обочине, на придорожных крестах.
(«Пророки пригорода»)*

И замечательно, что антологию XXI века завершают очень сильные стихи молодых поэтов, которые глубоко осознают свой выбор, на какую стезю вывела их судьба. Те, для кого, собственно, XXI век и будет своим, кто должен принять на себя свою долю русской судьбы и русской истории со всеми ее грядущими драмами и испытаниями.

Ирина Кедрова
(г. Москва)

КАВКАЗСКИЙ СЛОГ*

Название новой книги Александра Хадарцева «Дикая мощь Кавказа — вечноседой магнит» и объяснимо, и многое раскрывает.

Автор книги — осетин. И вполне понятна его магнетическая связь с вершинно-снежным массивом земной поверхности, как и верная с ним дружба:

Давай, Кавказ, поднимем тост ...

В поэтических строках, а также в памяти и чувствах уроженца Кавказа, многие годы живущего в русском городе, берущем начало в далеком XII веке, хранится стремление к объединению дорогих сердцу мест:

*По братски дышат Дагестан и Тула!
Их разлучить прижизненно — нельзя!*

А ведь есть те, кто пытается разлучить. И увести от многовековой дружбы один из кавказских народов и рассорить с Россией навечно другой народ. И делается это с помощью хитросплетений, в которых несправедливо обвиняют один народ в присвоении богатств и в уничтожении души другого народа.

Потому великое счастье, что есть такие люди, как А. Хадарцев — русский горец, сердцем обитающий на Кавказе и, одновременно, в России. Образность его стиха отлита в любви:

*Где горы в белых бурках запотели
В туманной дымке утренних забот,
Где на седых камнях по-братски жмутся ели...
Там — отчее гнездо, откуда род идет!*

В стихах А. Хадарцева любовь к жизни, и чтобы эта жизнь была нами осязаема, автор «вкусно» пишет, например, о еде, и нам непременно хочется оказаться в тех местах, где:

*Филе курдючного барана,
кюфта, бозбаи, — ласкают взор!...
Белеет сыр, духмянит зелень,
на горных травах — чудный чай!...*

* Александр Хадарцев. «Дикая мощь Кавказа — вечноседой магнит». — Тула: Тульский полиграфист, 2009.

Стих А. Хадарцева жизнеутверждаем:

*...буду падать, от усилия стонать,
но назло стихии, точно, буду жить!*

В нем:

Стоят на рейде корабли любви...

В нем море оживает и очеловечивается благодаря образности, свойственной взгляду поэта:

*Кто видел море после бури,
Когда усталость накопив,
Зеленый глаз слегка прищурив,
Оно шуршит под свой мотив?*

В нем звучит справедливое предупреждение о том, что природа не всегда тиха и добра:

*Смерч — стремглав ныряет в небо,
Покидая это море...
Злому ветру на потребу
Разливает слезы горя...*

В творчестве А. Хадарцева много поэтических и содержательных достоинств. Однако нет-нет, да ломается слог, и тогда появляется неоправданное многословье, мешающее восприятию: *только лишь вчера; ну да и ладно; нахальными в меру и яркими; что толку гадать, что на сердце...*

Автор вводит в строки разговорную речь, однако эта речь не делает его ближе к читателю, а, наоборот, мешает восприятию поэтического слова.

Вдруг прихрамывает рифма, нарушая единение слов (разобидели — выдало; обезличенно — личности), тем самым напоминая: поэтика требует тщательной работы.

На наш взгляд, неоднозначно воспринимаются помещенные в книгу дружеские эпиграммы. Сами по себе они — милы. Мы все иной раз — к дню рождения, к дружеской вечеринке, к радости друзей и коллег пишем милые четверостишья-восьмистишья. Задорно смеемся, отдаваясь общему веселью. И это хорошо, поскольку передает добрые чувства к тем, кого любим.

Однако такие строки предназначены не для широкого круга читателей. Они — часть интимной жизни. Чтобы дружеским эпиграммам стать литературным событием, надо автору отвлечься от конкретных друзей-приятелей, сотворить стих, в котором высветится не частность, а общезначимое явление. Эпиграммы данной книги хороши в маленьком буклете «для своих».

Писатель, как известно, всегда ощущает время и откликается на события. И А. Хадарцев среди таких мастеров слова. Жгучей болью за Родину проникнуты поэтические и прозаические строки, посвященные недавним трагичным событиям в Южной Осетии.

Читаешь очерк «По следам пятидневной войны», и в голове возникает мысль: я — русская женщина — с тобой, прекрасный край Осетия! Я — за тебя, гордый осетин! И мне больно сознавать, что дороги разбиты, стены зданий испещрены осколками, вместо домов чернеют руины. «Запах войны — запах ада на Земле», верно подмечает А. Хадарцев. Но и убеждает нас — осетинский народ выстоит, ибо:

*Цхинвал живет, пока живут мужчины,
которым слово дружбы, как закон!*

Из прозаических произведений книги мы бы выделили рассказ «Шалдон», наполненный таинственностью и фантазией, удивительно сочетаемой с бытовыми зарисовками жизни. Этот рассказ о взрослении молодого человека, об укреплении характера, о неясности будущего и прочности заведенных обычаев. Прелесть небольшого произведения в том, что в нем нет окончания. Все еще впереди, и все еще состоится!

Иначе воспринимается рассказ «Неразгаданная загадка», в основе которого лежат чувства и отношения молодого человека, судьбой направленного жить в дедов дом. Нам-то кажется: вот связь времен. Да только по-разному воспринимают жизнь юноша и старик. Один — весь устремлен в будущее, другой — выходец из событий становления советской власти, оказался помешанным на стяжательстве. Конечно, они не ужились. Разъехались. В коротком рассказе промелькнула бездарная жизнь одного и поучительный фрагмент для другого.

Интересной представляется философская основа рассказа «Дружба», ставшего зарисовкой жизни современного общества, стремящегося к рынку, к построению новых товарно-денежных и производственных отношений. В эти отношения вклинилась дружба, во все времена воспеваемая и ценимая. Да, у каждого свое понимание дружбы. И читатель неоднозначно способен сделать вывод: тот, кто подведет один раз, подведет и другой. Поверить такому «другу» — смерти подобно. Впрочем, подобных выводов автор не делает, оставляя читателю право разобраться самому.

А вот зарисовки из студенческо-медицинской жизни нам показались дневниковыми записями, которые хороши для автора — вспомнить и посмеяться, однако художественным открытием не стали. Впрочем, каждый волен принимать эти зарисовки так, как видит и чувствует.

В заключение отметим главное достоинство новой книги А. Хадарцева. В ней раскрывается сила и стойкость характера поэтического героя, проявляется разносторонний и внимательный взгляд на общественные явления и события. В ней обитает любовь к людям, к жизни и к Отечеству.

Зинаида Фомина
(г. Москва)

**НАДО ЖИТЬ,
ПОСКОЛЬКУ ЖИЗНЬ — ПРЕКРАСНА!**

«Облака моей любви». Уже название сборника рассказов предполагает, что речь пойдет о любви. Все рассказы пронизаны напряженными пылкими чувствами.

Начинается сборник с притчи о душе и разуме. Автор размышляет о смысле жизни. И утверждает: «Светлая душа да Великий Разум будут жить на Земле всегда».

«Росток и Солнце» — это тоже сказка-притча. Маленький росток испугался снега и мороза. Мудрое солнце ласково шепнуло: «Не бойся холодного ветра и зимней стужи... набирайся сил». «Солнце, — утверждает Ирина Кедрова, — уверено: любое доброе явление, появившись на земле, нуждается в тепле и заботе».

В рассказе «Женщина и море» «игра в развод» уничтожила налаженную, размеренную, счастливую жизнь женщины. «Мир грозного одиночества» страшит ее, тем более, что «эти двое назначены друг другу». Обнажился вулкан страстей. И только море, то бушующее, а то спокойное и тихое, приводит героиню рассказа к необходимому для нее решению: «Все, сдаюсь. Прощай самостоятельность и независимость». Удачно использован прием с морем для раскрытия психологического состояния женщины.

Рассказ «Женские страсти-мордасти» показался мне одним из ранних. Неоднозначно воспринимаются отдельные характеристики. Например: «Народ... попался разный: от заядлых интеллигентов до квадратных мужиков». Или: «Интеллигенты — те в очках, себя уважают». Однако путешествовать с автором по странам и городам интересно: много ярких подробностей мест пребывания, туристической информации и знания истории.

Сквозь весь сборник проходит тема моря. Недаром на обложке художник Н. Чеканова среди бесконечных синих волн, голубого неба, белых облаков и стай чаек воплотила страстную, мятущуюся женщину. В книге действительно много внимания уделено женским темам.

«Ани и Крис» — о терпении, любви и ревности... машины к женщине. Сейчас стало модным писать о разновидностях любви, в том числе машины и человека. В некоторых опусах от такой любви даже рождаются дети в виде велосипедов и т.д. Возникает вопрос: Крайслер и Ани — это дань моде? Нет, типичная женская судьба. «Ани терпела мужа, семью, работу долбаную...», а «Муж ненавидел все бабское племя...». Ей же «...хотелось любовного полета, взрыва отношений...».

Даже в рассказе «Страх» (переживания на фоне сегодняшних терактов) опять сквозят женские проблемы. И как резюме звучит: «...жить — это значит любить тех, кто рядом с тобой!».

Лучший рассказ, на мой взгляд, это «Чеченский удар». Сильное впечатление! «Имран и Зина вдыхали любовный весенний воздух...». «Решительно пришла Зина в общежитие к Имрану и осталась на ночь. И больно, и стыдно, и боязно... Детство за-

кончилось». Как точно сказано. Однако любовная идиллия заканчивается страшной трагедией одной семьи внутри одной страны. Таков итог войны. Слезы появляются при чтении — так пронзительно написаны некоторые места. Еще есть очень смелые высказывания о проблемах в обществе, например: «Это была война тех, кому народы доверили управлять своими делами».

Итак, мы видим множество женских судеб, женщин, обделенных любовью, заботой, лаской. Их не счесть. В книге представлены житейские истории во всем их многообразии. Все подсмотрено в жизни.

Автор вроде с себя сканирует образ женщины, но этот образ размывается, появляются ответвления в разные стороны, и разыгрывается буйная фантазия про жизнь, и всегда — про любовь.

Сколько смелых коллизий сочинено с подробностями, с горем, и реже со счастьем. Нет, мужчина так не напишет про роды, про детей, про женские заботы, про боль и стыд, и про любовь безмерную. Кроме того, много точных и живописных описаний природы, моря, гор, быта и т.д.

Сильные страсти и эмоции захлестывают читателя, и каждый раз в конце рассказа ему подводят итог. Не ждут его реакции, а, мол, знайте мою точку зрения — такая авторская позиция.

Ирина Кедрова пропускает все впечатления от пережитого через свое сердце и хочет зарядить нас своими чувствами. Она своей откровенностью затрагивает и проповедует глубины и искренность человеческих чувств.

ИНТЕРВЬЮ С МАРКОМ ДУБИНСКИМ

*Мы должны оставить детям
те жизненные пространства,
те богатства, которые нам
достались от предков...*

Марк Дубинский

В текущем году тульский писатель Марк Дубинский отмечает свой восьмидесятилетний юбилей. К этой огромной жизненной вершине прожитого и пережитого Марк Самойлович подошел с огромным запасом таких человеческих ценностей, как мораль, нравственность, любовь к своему Отечеству, нашедших свое отражение в его творческих трудах.

Он кадровый офицер, майор-инженер в отставке, ветеран вооруженных сил Российской Федерации и Великой Отечественной войны. Член Союза писателей России, руководитель областного литературного объединения «Пегас» при Тульском региональном отделении Союза писателей России. Имеет 450 публикаций в газетах, автор трехтомника стихов и рассказов, составленного из 7 книг; 23 коллективных сборников. Издал роман «Наследники «Бога войны»», который занял 1-е место в областном литературном конкурсе.

За патриотическую направленность в литературном творчестве награжден памятной медалью «100 лет со дня рождения М. А. Шолохова».

О сегодняшних проблемах в современной литературе, о непрерывности литературного процесса, о целесообразности существования литературных объединений и о смысле человеческой жизни мы и беседуем с юбиляром.

Г. М. Марк Самойлович, разрешите поздравить Вас с восьмидесятилетним юбилеем, который вы отмечаете в этом году, и пожелать Вам здоровья, радости и плодотворной творческой работы. Скажите, пожалуйста, как начинался Ваш творческий путь?

М. Д. Истоки моей творческой жизни относятся к далекой молодости, к школьным годам. Однако в те времена эта литературная склонность не стала определяющей в моей жизни; частично в этом повинна моя жизнь кадрового офицера. Служба в армии — дело трудное и хлопотное, было не до этого. После увольнения в запас эта страсть вспыхнула с новой силой, а тут и возможность появилась ее удовлетворить; я не стал противиться ей, и она и привела меня в нынешнее состояние, за что я и благодарен своей судьбе.

Г. М. В армии Вы были инженером артиллеристом, а потом инженером ракетных войск, а выйдя в запас стали писателем, инженером человеческих душ?

М. Д. Любой армейский офицер должен быть не только командиром, но и воспитателем своих подчиненных, а для этого он должен определить психологическое качество своего подопечного, иначе ничего не получится. Так и в литературе: раскрыть суть человеческих поступков можно лишь в результате познания его характера, его психологии. Армейский опыт мне очень пригодился и пришлось к стати.

Г. М. Ваши книги, стихи и проза, рассказывают читателям о людях, их взаи-

моотношениях. Как Вы выбираете тему для своих произведений, что этому предшествует?

М. Д. Тему для своих стихов, рассказов, для романа я практически не выбираю, это происходит как бы само собой, через восприятие окружающей действительности: что всколыхнуло мое сознание, возбудило какие-то чувства, о том и пишу.

Г. М. В своем романе-хронике «Наследники «Бога войны»» Вы рассказываете о первых послевоенных годах, о воспитании юношей попавших в строгие армейские условия жизни и учебы, рассказываете о служебном и воинском долге, о чувстве патриотизма и, конечно же, о любви. В какой мере Ваш роман автобиографичен?

М. Д. Роман «Наследники «Бога войны»» явился почти зеркальным отображением далеких послевоенных лет. Все события, все действующие герои романа суть отражение реальных людей и событий, но с одной особенностью: все имена и фамилии изменены. Реальное место действия не указано. Однако прототипы узнаваемы, ибо их художественное изображение довольно красноречиво. Среди героев романа присутствует и автор.

Г. М. Ранее, при Советском строе, была мощная государственная организация Союз писателей СССР, был Литфонд, имелись благоустроенные дачи для писателей, дома отдыха, санатории. Сегодня писатель предоставлен самому себе. Как Вы считаете, почему наша современная литература, наш нынешний писатель не находится под патронатом государства?

М. Д. Изменившиеся в настоящее время критерии ценностей современного общества, выдвинули основной постулат: каждый действует и выживает сам по себе, не умеющий приспособиться к реалиям современности, обществу не нужен. Писатели — не исключение. Тем не менее, литературная среда не исчезла, она существует, постоянно внедряясь в новое жизнеустройство. Но все-таки приходится сознаваться, что творческая жизнь современного писателя сопряжена со сложной борьбой за существование.

Г. М. Один давний летописец написал: «Великая польза от книжного учения; из книг учимся путем покаяния, в словах книжных обретаем мудрость». Вы уже более десяти лет являетесь руководителем областного литературного объединения «Пегас» при Тульском отделении Союза писателей России. А нужны ли вообще такие литобъединения сегодня?

М. Д. Как ни странно, но в условиях усложнившейся жизни людей в нашей стране, тяга к литературному творчеству в народе возросла во много раз. Человеку, который взялся за перо, пытаясь реализовать свой творческий потенциал, нужна критическая помощь и общественная поддержка. Все это он находит в литературном объединении. Наиболее одаренные, пройдя через горнило критики и учебы, шлифуют свой дар, становятся членами Союза писателей России. «Пегас» может гордиться: несколько его членов прошли через это, другие к этому подошли вплотную. Меня, как руководителя, это радует.

Г. М. Как себя проявляет молодежь, новое поколение, которое приходит в Тульскую литературу. Имеется ли надежда на непрерывность литературного процесса?

М. Д. Стать профессиональным писателем очень трудно. Тем не менее, литературный институт имени А. М. Горького функционирует в нормальном режиме, от студентов отбоя нет, — а это и есть верный признак непрерывности литературного процесса.

Г. М. На одном из занятий с членами литобъединения, Вы сказали примерно следующее: «Вначале рассказывайте о человеке, а затем описывайте окружающую его обстановку, потому что только человек и никто иной в любом литературном произведении должен быть центральной ключевой фигурой». Русские писатели Толстой, Достоевский, Гоголь в своих трудах не раз пытались разгадать самую большую жизненную

загадку нашего бытия — самого человека. Пытались объяснить смысл жизни и смерти человека. А в чем смысл жизни видите Вы?

М. Д. Весь окружающий нас живой мир, и флора и фауна, все свои силы тратят на самовоспроизводство, на продолжение своего рода, к этому движет его инстинкт. Человек не исключение. Но он единственное в природе разумное существо, поэтому он старается улучшить окружающую его обстановку, создать более благоприятные условия своего существования. На мой взгляд, смысл жизни человек должен видеть в сохранении своих потомков; мы должны создать для детей наших такие условия жизни, чтобы они выросли крепкими физически, стали образованнее и умнее нас. А для этого и нужна художественная литература, которая не только развлекает человека, но и делает из него мыслителя, творца, изыскателя. А еще мы должны оставить детям те жизненные пространства, те богатства, которые нам достались от наших предков, и которые мы сами накопили, — ибо это залог их будущего благополучия.

Г. М. Недавно в Московском метро и на Северном Кавказе были совершены страшные теракты. В чем Вы видите причину произошедшей террористической активности, и в чем, по-вашему, мнению должна заключаться национальная идея, о которой говорят вот уже не один год и на самых высоких государственных уровнях? Какую роль в этих вопросах Вы отводите писательскому цеху?

М. Д. Классовая борьба и борьба за жизненное пространство, сопровождает человеческое общество с древнейших времен, идет она и сейчас. Борьба в виде терактов в нынешнее время направлена на устрашение общества и его деморализацию. Если мы хотим сохранить свой дом. То должны защищаться всеми доступными способами. Один из них — через художественную литературу воспитание патриотизма у молодых людей.

Г. М. Марк Самойлович, что бы Вы пожелали молодым и начинающим авторам, а также почитателям Вашего таланта и всем тулякам?

М. Д. Самое главное для любого человека, это быть стойким в преодолении трудностей. А поможет ему в этом художественная литература. Читайте!

Беседу вел Геннадий Маркин

